

МАЙКЛ ИННЕС

Майкл Иннес (настоящее имя – Джон Иннес Макинтош Стюарт, 1906 – 1994) – известный английский писатель и литературовед. Его перу принадлежат монографии о У. Шекспире, Р. Киплинге и Т. Харди. Однако международную известность ему принесли именно интеллектуальные детективы, которые он публиковал под псевдонимом Майкл Иннес. Так, его романы «Смерть в апартаментах ректора» и «Гамлет, отомсти!» вошли в антологию Хорхе Луиса Борхеса «Седьмой круг». Всего Майкл Иннес написал около 50 детективов.

☞ МАЙКЛ ☞
ИННЕС

СМЕРТЬ В
АПАРТАМЕНТАХ
РЕКТОРА

ГАМЛЕТ, ОТОМСТИ!

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
И66

Серия «Золотой век английского детектива»

Michael Innes

DEATH AT THE PRESIDENT'S LODGING
HAMLET, REVENGE!

Перевод с английского *С. Алукард*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения Peters, Fraser & Dunlop
и литературного агентства The Van Lear Agency LLC.

Иннес, Майкл.

И66 Смерть в апартаментах ректора ; Гамлет, отомсти! : [сборник] / Майкл Иннес ; [пер. с англ. С. Алукард]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 608 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-085966-5

В старинном университетском городке произошла трагедия: убит в собственных апартаментах ректор колледжа. Более того, таинственный убийца зачем-то разбросал в гостиной человеческие кости, а на стенах нарисовал черепа.

Что же это? Мрачная шутка преступника?

Или странная попытка что-то объяснить?

Инспектор Скотленд-Ярда Джон Эплби начинает расследование...

Любительская постановка «Гамлета» с участием представителей аристократических семей Англии завершилась ужасным преступлением — убит лорд-канцлер, игравший роль Полония.

Инспектор Джон Эплби обращает внимание на тот факт, что незадолго до убийства таинственный неизвестный начал буквально преследовать жертву анонимными посланиями, содержащими в себе цитаты из произведений Шекспира. Но что это было — угрозы, предупреждения или что-то еще?..

Джон Эплби и его друг, профессор Джайлз Готт, готовы взяться за это дело и найти виновного...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Michael Innes Literary
Management Ltd, 1936, 1937

© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-085966-5

СМЕРТЬ В
АПАРТАМЕНТАХ
РЕКТОРА

От автора

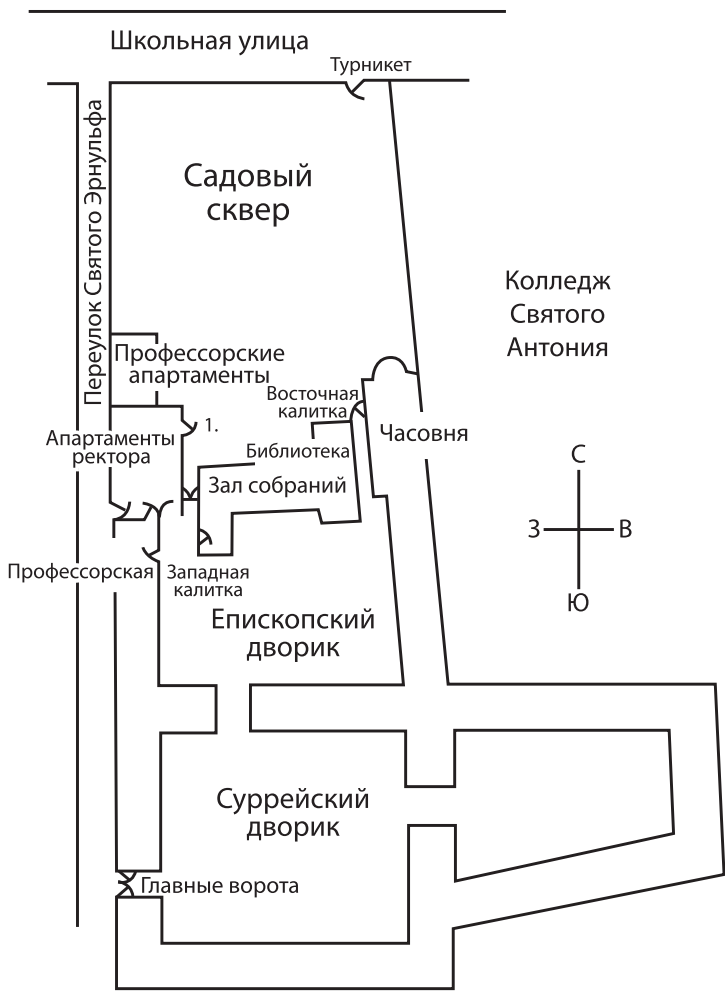
Профессора и преподаватели колледжей Оксфордского и Кембриджского университетов, безусловно, люди в высшей степени благородные, порядочные и уравновешенные. Они не делают ничего из ряда вон выходящего, не совершают недуманных или опрометчивых поступков. Как правило, господ, стоящих на кафедре, воспринимают как людей ученых, немногословных, рассеянных, со множеством милых и невинных слабостей. Они, как сказал бы Бен Джонсон, «так и просятся в комедию». Их гораздо легче описывать с большой долей иронии, нежели в некоем мелодраматическом ключе. Что же касается детектива, то профессора, пожалуй, в наименьшей степени соответствуют тому странному и в некоторой мере извращенному психологическому типу, которым наделено большинство персонажей произведений данного жанра. И это достаточно «прискорбно» хотя бы потому, что сама их «среда обитания» — окружающие их материальные предметы и сооружения, где они существуют: говорят, едят и спят — представляет собой идеальный фон, на котором могло бы развиваться хитросплетение загадочных и интригующих событий.

Правда, в Англии есть одно место, где эти благородные и добродетельные мужи, к сожалению,

полностью меняются. Там они в полной мере проявляют такие качества, как раздражительность, нетерпение, злоба, тщеславие и жестокосердие, столь необходимые авторам детективов. Общеизвестно, что когда питомец Оксфорда или Кембриджа движется не «вверх» или «вниз», а по «горизонтали», когда он отправляется из Оксфорда в Кембридж или наоборот, ему приходится пересекать местность, по каким-то странным причинам несовместимую с привычной размеренностью и покоем университетской жизни. Загадочный каприз судьбы — местность эта расположена почти на полпути между двумя древними храмами науки, в прелестных, за исключением вышеозначенного обстоятельства, окрестностях городка Блетчли. Некий ученый, отличающийся поверхностностью и привыкший обращать внимание лишь на моментально бросающиеся в глаза реалии и частности, в свое время объяснил сей факт определенными недостатками обустройства железнодорожной станции Блетчли. Ему пришлось так долго ждать поезда (в этом и состояли его доводы) и испытать так много неудобств, что любой бы в его положении разнервничался.

Однако все это в прошлом. Когда я в последний раз проезжал Блетчли, он показался мне райским уголком. В любом случае мой ум, ум литератора, искал более глубоких, даже метафизических объяснений. Я придерживаюсь мнения, что на полпути между антиподами: Афинами и Фивами — эфир бурлит. Для ученого атмосфера там неблагоприятная и неблагоприятная. И я представил, что если оксфордские изгои, несколько столетий назад предпринявшие попытку раскола, добрались до Блетчли, то там вполне мог возникнуть университет (или, по

крайней мере, колледж), что понадобился мне для этой книги. Любой, кто удосужится взглянуть на карту, читая главу 10, убедится, что я руководствовался собственной фантазией. Вымышленный колледж Святого Антония является частью такого же придуманного университета. А его преподаватели — всего лишь плод воображения автора. Итак, вот вам призраки и воображаемое место действия и развития событий.

1. Створчатое окно во всю стену

Глава 1

I

Университетская жизнь, как заметил доктор Джонсон, не изобилует чрезвычайными происшествиями. Однако именно нечто из ряда вон выходящее случилось, когда профессора и преподаватели колледжа Святого Антония проснулись промозглым ноябрьским утром и обнаружили, что ректор Джозайя Амплби был убит минувшей ночью. Преступление сразу восприняли как интригующее, очень странное, тщательно подготовленное и вдобавок обставленное чуть ли не с театральностью. Тщательно подготовленным оно являлось потому, что никто не мог даже предположить имени преступника, а театрально показным из-за жуткого и при этом совершенно ненужного антуража, которым, согласно мгновенно распространившимся слухам, убийца сопроводил свое злодеяние.

Колледж гудел словно потревоженный улей. Если бы доктор Амплби застрелился, то в соответствии с приличиями требовалось бы соблюдать максимальную сдержанность и по возможности подавлять нездоровое любопытство. Однако убийство, к тому же загадочное, почти сразу было воспринято как вполне законный повод для громогласных пересудов. К десяти утра даже самому отрешенному от реальности кабинетному ученому, привыкшему неспешно прогуливаться по уютным внутренним дворикам и размышлять о проблемах философии Сократа, стало совершенно ясно, что священная тишина и покой колледжа надолго нарушены самым грубым

образом. Огромные ворота колледжа закрыли, все входившие и выходившие подвергались непривычной процедуре досмотра со стороны старшего привратника и сержанта полиции. Из выходившего на север окна библиотеки можно было разглядеть человека в полицейской форме, охранявшего окна кабинета ректора с наглухо задернутыми шторами. Многочисленные лестницы, благодаря которым средневековый университет умудрялся оттягивать введение коридорной системы, сейчас сотрясались от беспрестанного топота ног студентов, взлетающих по ним вверх и вниз, желавших срочно обсудить происшедшее с друзьями. Где-то около одиннадцати появился листок почтовой бумаги, ничем не примечательный, но вопреки обыкновению вывешенный за пределами колледжа, с сообщением для студентов, находившихся вне учебного заведения, что в этот день все лекции отменяются. К полудню местные газеты наклеили на уличные тумбы, и ни в каком другом городе заголовки не звучали бы столь сдержанно, как здесь: «Внезапная смерть ректора колледжа Святого Антония». В самой заметке констатировался факт: доктор Амплиби застрелен, как подозревалось, вовсе не случайно, и убийство совершено неизвестным лицом. До самого вечера группа городских зевак, лениво слонявшихся по противоположной стороне переулка Святого Эрнульфа, удовлетворяла любопытство, глаза на длинный ряд окон в стиле Тюдоров с серыми средниками и плоскими арками, за которыми разыгралась загадочная трагедия. Событие, произошедшее в небольшом городке, мгновенно попало в национальные новости. К половине пятого сотни тысяч людей в Пимлико, Бау, Клеркенуэлле, в многочисленных пригородах Большого Лондона и в перенаселенных переулочках Вестминстера добавляли кое-что новое к своим скудным знаниям о весьма отдаленном университетском Блетчли. Вечерние газеты еще раз проинформировали публику о трагедии, на этот раз фотографии вереницы tudorских окон уже украшали их первые полосы. К семи часам огромные кипы этих столичных новостных листков лихорадочно разгружали по-

близости от самого колледжа. От пасторальной тишины и некоего монастырского покоя уважаемого учебного заведения не осталось и следа.

Однако в двадцатом веке с нарушением спокойствия вынуждены мириться многие университеты. Денно и ночью огромное население Лондона, расположенного в девяноста километрах отсюда, требует припасов, и постоянно большой город вывозит свою продукцию. Без конца на древних улочках, по которым неторопливо и задумчиво прогуливались многие поколения ученых и поэтов, режут современные автомобили. В дневное время сам город является главным нарушителем спокойствия: автобусы и бесчисленные машины, управляемые студентами, создают водовороты и застревают в пробках на узких улицах. Однако ночью город становится своего рода транспортной магистралью. С регулярной и беспощадной неотвратимостью, с интервалом, которого хватает лишь на тревожные предчувствия, через город с ревом и грохотом проносятся грузовики с товарами и огромные автофургоны. И пока течет этот нескончаемый поток, серые, изъеденные временем камни, изящной дугой тянущиеся от моста к мосту, дышат и содрогаются, словно в такт ударам исполинского молота, бьющего по земле.

Среди всех этих испытаний колледжу Святого Антония досталось не самое худшее место: только в нем есть довольно большой сад, знаменитый Садовый сквер. Под защитой четырехметровой стены, заканчивающейся высокой узорчатой решеткой, расположился роскошный яблоневый сад. Он простирается до первой и самой массивной группы построек колледжа, состоящей из часовни, библиотеки и зала собраний. За этой зеленой завесой в Епископском двореке шум улицы едва слышен. Еще дальше, в самой старой части колледжа, в средневековом Суррейском двореке с готической аркой и главными воротами, выходящими в переулок Святого Эрнульфа, царит почти что пасторальная тишина лугов Альфреда Великого. Древний город все еще хранит тихое пристанище царственного мечтателя.

Однако уголья Садового сквера время от времени становились местом событий куда более ярких, нежели раздумья великого государя. Именно здесь студенты колледжа устраивали свои знаменитые бунты. Тут они каким-то образом отловили самую настоящую лису, а однажды под покровом ночи притащили сюда неизвестно откуда взявшуюся дикую свинью, от ужаса готовую разродиться в любую минуту. Вот почему с давних пор Садовый сквер запирают на ночь. Рядовым преподавателям доступ туда закрыт с четверти одиннадцатого вечера. Старшие преподаватели и профессора могли воспользоваться ключами: для четырех из них, живших в апартаментах на краю сквера, ключи были необходимы... И именно в Садовый сквер, столь тщательно запираемый на ночь, выходили высокие, во всю стену, створчатые окна кабинета, где было обнаружено тело доктора Амплиби.

II

Часы показывали четверть третьего дня, когда огромный желтый «Бентли» отъехал от здания Скотленд-Ярда. Он остановился у колледжа Святого Антония в тот самый момент, когда городские колокола начали бить четыре. Инспектор Джон Эплби подумал, что его крайне редко так быстро доставляли для расследования предполагаемого убийства за пределами Лондона. И в самом деле, его прибытие в шикарном казенном лимузине явилось результатом действий в «высоких сферах»: декан Святого Антония в срочном порядке встретился с проректором университета. Тот столь же спешно телефонирует о случившемся лорд-канцлеру, главе судебного ведомства и верховному попечителю университета. Лорд-канцлер, в свою очередь, незамедлительно связался с министром внутренних дел... «И совсем неудивительно, — подумал Эплби, ловко выпрыгивая из машины, — что местное начальство иногда поступает так, что и сама верховная власть внезапно получает подзатыльник». Поэтому после того, как напуганная горничная проводила

его в столовую покойного ректора, он испытал некоторое облегчение, увидев воплощение власти местной не в ком ином, как в своем давнем знакомом, инспекторе Додде, господине весьма грозного вида.

Эти два человека являли собой любопытную противоположность: не столько контраст между двумя поколениями (хотя Эплби был на добрых двадцать лет моложе), сколько разницу между двумя эпохами жизни Англии. Додд, тяжеловесный, медлительный, простоватый и столь явственно говоривший на своем родном диалекте, что любой филолог мог точно определить город, где он родился, представлял собой патриархальную Англию, где преступление, если оно совершалось, всегда было явным, ясным и жестоким и для его расследования требовались не столько научные достижения и следовательские навыки, сколько энергичные и быстрые действия. Он отлично постиг общепринятую практику и порядок, но ему не хватало углубленной подготовки и некой специализации. Додд полагался на сильно развитую, хотя и неоднозначную, природную практичность и прозорливость, сохраняя силу и индивидуальность как в своей манере мыслить, так и в манере говорить. Рядом с ним Эплби поначалу смотрелся довольно бледно отчасти благодаря долгой методичной учебе, подобно хирургу, направившему все свои усилия на разработку уникальной операционной методики. Ибо Эплби являлся действенным продуктом более «развитого» века, нежели эпоха Додда, века, когда наша цивилизация, умножающая свои элементы методом их деления, произвела на свет среди бесчисленного множества узкоспециализированных изделий таких же узкоспециализированных преступников и сыщиков. Тем не менее Эплби представлял собой нечто большее, чем напичканный знаниями выпускник современного полицейского колледжа. Созерцательная манера и пытливый ум, уравновешенность в сочетании с натиском, скорее сдержанность и скрытность, чем осторожность — вот, возможно, символы, лежащие в основе более прогрессивного и либерального образования.